

— Бред какой-то, — сурово отрезала я, отбрасывая письмо в сторону, покосилась на Женьку и невольно вздрогнула, так и не привыкнув к ее новому облику.

Надо сказать, подружка неустанно экспериментировала, являя себя миру то блондинкой, то брюнеткой, то рыжей, иногда предпочитая что-нибудь и вовсе экзотическое: шевелюра вдруг становилась интенсивно оранжевой или кислотно-зеленой. Меня неизменно удивляли два факта. Первый: какого бы дикого цвета ни были ее волосы, Женька чувствовала себя уверенно и вполне комфортно. Даже когда у случайных прохожих глаза буквально лезли на лоб при виде всего этого великолепия, Женька лишь загадочно улыбалась и шла себе дальше. Подозреваю, в глубине души она собой гордилась и считала, что ее миссия в том и состоит, чтобы вгонять в столбняк прохожих.

Вторым достойным удивления фактом было то, что после многочисленных экспериментов подружки волосы на ее голове все еще имели место быть, причем выглядели так, что приходилось признать: дикие Женькины фантазии им только на пользу.

Сейчас ее волосы отливали серебром. Девять человек из десяти решительно заявили бы, что это парик, и оказались бы не правы. Неустанными, я бы даже сказала, титаническими усилиями Женька добилась того, что они сияли как новенькая серебряная монетка, делая ее похожей на Снежную королеву из сказки, однако цело-

стного образа не получилось: Женька только что вернулась из Испании, где загорела дочерна, и теперь серебристые волосы обрамляли смуглое лицо, на котором нездоровым блеском светились огромные глаза. Было от чего вздрагивать.

— Ты похожа на ведьму, — не удержалась я.

Женька нахмурилась:

— Надеюсь, это комплимент?

— Вот уж не знаю.

— Странно, — хихикнула Женька. — Обычно ты все знаешь.

— Я-то думала, это ты у нас обладательница столь замечательного качества, — съязвила я и тут же устыдилась. С Женькой мы дружили с детства и, несмотря на редкие поползновения с обеих сторон, так и не смогли ни разу всерьез поссориться.

Вот и сейчас Женька пожала плечами и заметила:

— Мы отвлеклись, — после чего передвинула письмо ближе ко мне.

Я поморщилась и повторила:

— Полный бред.

— А по-моему, на него стоит обратить внимание. В конце концов, человек просит тебя о помощи, и ты...

— Ничего она не просит, — вздохнула я, вновь пробегая глазами строчки письма и жалея, что начала разбирать почту в присутствии подружки.

Вообще-то, встречаться с ней сегодня я вовсе не собиралась. Два часа назад я вернулась из Москвы и намеревалась посвятить остаток дня уборке квартиры. Заехала в супермаркет и на стоянке едва не столкнулась с Женькой, точнее, с ее машиной. Подружка не сразу заметила мою «Ауди», потому что была очень занята: истошно сигналила, орала в окно обалдевшему парковщику, что он редкий придурок, и показывала средний палец правой руки парню на иномарке, который не спешил ее пропустить. Точнее, он был не против, но не имел возможности, так как я на своей машине мешала ему произвести необходимый маневр. Женька одна издавала

столько шума, что хватило бы на десятерых, но тут я поторопилась внести свою лепту, открыла окно и завопила:

— Женя! — и была услышана.

Женька прекратила сигналить, орать и делать непристойные жесты и, счастливо улыбаясь, прокричала в ответ:

— Привет, Анфиса. Ты когда вернулась?

— Только что.

— Как Ромка?

— Нормально.

Парковщик продолжал стоять пнем, парень на иномарке страдальчески закрыл глаза и признаков жизни не подавал, зато в цепочке машин, выстроившейся возле шлагбаума, наметилось волнение.

— Девушки, может, вы найдете другое место поболтать? — заорал кто-то.

Женька высунулась в окно и грозно поинтересовалась:

— Кому это там некогда?

— Женечка, — робко влезла я. — Может, мы в самом деле...

— Ты сюда или отсюда? — спросила подруга.

— Я домой.

— Ладно, тогда я к тебе в гости.

Женька стала разворачиваться, лица мужиков в сопредельных машинах приобрели мучнистый оттенок, над стоянкой нависла тишина, особо нервные зажмурились и вжали головы в плечи, парень на иномарке успел юркнуть в сторону, зеркала на его и Женькиной машине сложились, а она весело проорала в окно:

— Не дрейфь, солдат ребенка не обидит, — и наконец-то покинула стоянку.

Я выехала следом, дюжий дядька покрутил пальцем у виска, глядя нам вслед, что я сочла обидным и, забыв про хорошее воспитание, показала ему язык.

— Ужас какой-то, — сказала Женька, притормаживая и пропуская мою машину вперед. — По городу ездить невозможно, кругом одни идиоты, как они медкомиссию проходят, там же справку из дурдома требуют.

— Ага, — вяло молвила я, вышла из машины и направилась к Женьке.

Она с чувством меня расцеловала и вдруг задумалась.

— Ты не в курсе, чего я в торговом центре хотела?

— Нет, откуда? Ты мне ничего не говорила.

— Да? Как отрезало. Не поверишь, не могу вспомнить, а ведь зачем-то я туда ехала?

— За продуктами?

— Зачем мне продукты?

— Есть, наверное, — съязвила я.

— Тебе прекрасно известно, что питаюсь я в кафе.

Кстати, не худо бы перекусить. Ты как?

— Я пельменей купила. Поедем ко мне?

— Поедем. Давай тогда мою тачку на стоянке бросим, а я у тебя ночевать останусь, расскажу про этого мерзавца Пастухова.

В другое время я бы попыталась избавить Женьку от мысли ночевать у меня и уж тем более от необходимости рассказывать о мерзавце Пастухове. О нем я слышала постоянно вот уже два месяца с тех самых пор, как он стал Женькиным шефом и по совместительству любовником. Тихого, зашуганного женой Пастухова Женька соблазнила буквально в первый же день его работы в новой должности. Тот, как видно, ничего не знал о вреде служебных романов для душевного здоровья, за что сейчас и нес заслуженное наказание. Подружка, как водится, обвиняла его во всех смертных грехах, хотя на самом деле у него был лишь один грех, но существенный: он нимало не походил на идеального возлюбленного, каким его представляла себе Евгения Петровна. Боюсь, таких мужчин в природе попросту не существует, на что я Женьке неоднократно намекала. Она презрительно фыркала и продолжала клеймить подлеца Пастухова. Так вот, в другое время от необходимости слушать гневные Женькины речи я бы пришла в ужас и попыталась бы как-то отвертеться, но в тот момент я так обрадовалась

подружке, что готова была потратить вечер на разговоры о чем угодно, лишь бы не сидеть в одиночестве.

С самого утра на меня напала тоска. Ромку отправили на учебу, и вдруг выяснилось, что без мужа я чувствую себя очень неуютно, то есть, если честно, очень скверно я себя чувствую. Отправляя его в Москву, я думала, как расчудесно отдохну, пока он постигает науки: во-первых, не надо будет готовить (Ромка комплекцией и аппетитом походит на динозавра, что создает мне определенные трудности), во-вторых, не надо то и дело отвечать на его звонки (с этим, правда, вышла незадача, муж и из Москвы звонил по двадцать раз на дню, выбрасывая наши деньги на ветер), а главное, вволю буду встречаться с подружками, болтать по ночам по телефону, и никто не станет меня изводить ехидными замечаниями, а также ворчать, что в этом доме муж никому не нужен, в этом доме только подружкам рады, и прочую чушь.

В общем, я надеялась устроить себе отпуск и, провожая Романа Андреевича, мечтательно улыбалась, чем вызвала его суровый взгляд с намеком на недоверие. Но стоило Ромке уехать, как явилась тоска. В квартире стало подозрительно тихо, к девчонкам не хотелось. Точнее, вообще ничего не хотелось. Я подумала, что жить без любимого предстоит довольно долго, и запечалилась по-настоящему. Разумеется, он приезжал при каждом удобном случае, и я ездила к нему (до Москвы на машине меньше двух часов от нашего города), но лучше мне почему-то не становилось. Я решила, что должна засесть за работу, и начала новый детективный роман, но работа шла ни шатко ни валко, и я подозревала, что сегодня за письменный стол вообще не сяду. Оттого Женьке и обрадовалась, будет чем оправдать собственную лень.

Я плавно тронулась с места, Женька двигалась за мной, таким образом мы въехали во двор ее дома. Оставив машину на стоянке, подружка пересела ко мне, взглянула пристально и присвистнула:

— Вижу, что болезнь прогрессирует.

— Отстань, — отмахнулась я.

— Чего ты киснешь? — не унималась Женька. — Ромка твой не по бабам шляется, а занят делом. Опять же, звонит без конца. Кстати, ты не пробовала его обучить чему-то полезному, эсэмэски посылать, к примеру? Сэкономили бы деньги...

— Отстань, — повторила я.

— Ладно, ладно... я тебе завидую, — вдруг вздохнула подружка. — Вот ты мужа любишь, а я до сих пор одна на всем белом свете. А ведь годы идут и вообще...

— Женечка, ты еще встретишь свое счастье, — жалобно заговорила я.

— Ага. Встретишь. Думаешь, мужики-то на дороге валяются? Да и, сказать по чести, я не встречала стоящих. Роман Андреевич не в счет, — поспешила заверить меня подруга.

Я согласно кивнула. Не могу сказать, что мое счастье с Романом Андреевичем было совершенно безоблачным, иногда мне всерьез хотелось огреть мужа чем-то тяжелым, но теперь, когда он был вдалеке... В общем, я воспылила еще большим сочувствием к подруге.

— Да, времена нынче... — вздохнула она и покачала головой. — Боюсь, так и помру в девках...

От эдакой перспективы мы на некоторое время остолбенели, но сзади посигналили, я вспомнила, что нахожусь за рулем, потом подумала, что умереть в девках подруге все-таки не грозит, то есть выражается она фигурально. Если стоящие мужики на дороге не валяются, то прочих пруд пруди, и Женька неустанно экспериментировала с ними, примерно как и с прической: то у нее был слесарь из автосервиса (это чтобы было кому за машиной приглядеть), то бизнесмен (как раз с одним таким бизнесменом она и отдыхала в Испании), то несчастный Пастухов; что с ним делать, Женька понятия не имела и оттого здорово злилась.

— Он готов уйти из семьи, — немного невпопад заявила подружка.

— Кто? — не поняла я.

- Пастухов, конечно.
- К тебе уйти?
- Естественно.
- Женечка, я не поняла: это хорошо или плохо?
- Чего же хорошего? Сама посуди, на фига мне это счастье? Он старше меня на двенадцать лет, плешивый, смотрит в рот и боится слово сказать. О таком ли мужчине я мечтала всю жизнь?
- Он тебе совсем не нравится?
- Женька трагически кивнула.
- Тогда зачем ты его соблазнила?
- Не знаю. Наверное, по привычке. Мужик рядом, и он казался таким забавным.
- Ну и бог с ним, с Пастуховым, скажи ему, что ваша встреча была ошибкой.
- Как-то неудобно. Выходит, что отдалась я ему не по любви, а это неприлично. Нет, лучше убедить его, что это он меня не любит, а гнусно воспользовался своим служебным положением и...
- Пастухова мне стало по-настоящему жаль, я покосилась на подругу, еще раз невольно поежилась и вздохнула. В этот момент у меня зазвонил мобильный, что и послужило началом нашей истории. Разумеется, тогда я не догадывалась о подарке, который готовит нам судьба, достала с помощью Женьки телефон из сумки и ответила.
- Анфиса Львовна? — мужской голос звучал почему-то укоризненно.
- Да-да, слушаю вас.
- Это из Союза писателей, — недовольно продолжил мужчина, а я наконец сообразила, кто звонит, и приуныла. — У нас тут для вас почта, сообразоволяйте зайти и забрать адресованные вам письма.
- Хорошо, я непременно...
- Я буду находиться в своем кабинете еще сорок пять минут. Надеюсь, вам этого времени хватит.
- Только я собралась ответить, как послышались гудки.
- Вот черт, — буркнула я, отбрасывая телефон.

— Кто звонил? — спросила Женька.
— Ипатов, — вздохнула я.
— Что от тебя гению понадобилось?
— Там письма пришли на мое имя, просил забрать.
— Ну так давай заглянем к старику, — оживилась она.
Заглядывать к Ипатову я не собиралась, письма могут немного и подождать, но Женька скомандовала:
— Сворачивай, здесь к их лавочке ближе.
И я покорно свернула, злясь на себя за это.

Тут надо пояснить, почему мне не хотелось встречаться с Ипатовым и почему Женьке не терпелось его увидеть. Несколько лет назад, когда я написала свой первый роман, Женька потащила меня в литературный кружок, где царил гениальный Ипатов. Женька тогда писала рассказы о животных и всячески пыталась приохотить меня к литературе, точнее, к этому самому кружку. Свой первый роман я тоже начала писать после ее настойчивых увещеваний, и, разумеется, она сочла необходимым показать его знающим людям. Знающие люди роман прочитали и посоветовали мне заниматься своим делом (в ту пору я работала в туристической фирме), однако Женька проявила завидную настойчивость и, несмотря на отзывы товарищей по кружку, отправила роман в одно из московских издательств. Вскоре роман напечатали. С этого, собственно, и началась моя писательская карьера. С тех пор я успела написать полтора десятка романов и стала одним из популярных авторов. Женька не без ехидства напоминала о нашем знакомстве Ипатову при каждой встрече с ним, особо напоминая на мою популярность. Кружок ей пришлось оставить, но с Ипатовым она часто встречалась на различных мероприятиях. Завидев Женьку еще издали, он заметно менялся в лице и торопился смыться, и это несмотря на бесплатную выпивку и бутерброды. Можете представить, какие добрые чувства питал ко мне глава нашей писательской организации, поэтому неудивительно, что разговаривал он со мной сквозь зубы.

Мы подъехали к двухэтажному особняку в центре города. Здесь располагалось управление культуры, комната на втором этаже была выделена писательской организации, туда мы и направились. Я постучала и робко заглянула в кабинет. Ипатов сидел за столом и мирно дремал. Грузный дядька лет семидесяти, с круглым бородатым лицом, грустными глазами и носом-картошкой. Толстовка, стоптанные ботинки, мешковатые брюки, которые не мешало бы выстирать. Встретив Ипатова на улице, ни за что не догадаешься, что он гений, впрочем, сам себе Ипатов нравился, а не брился и не мылся он по идейным соображениям, по крайней мере так утверждала подружка.

— Здравсьте, — громко сказала она, внедряясь в кабинет. Ипатов вздрогнул, открыл глаза и вздрогнул вторично. — Рада вас видеть, — радостно заявила Женька, пробираясь к столу, я продолжала стоять у двери.

— Это вы, — трагически сказал Ипатов, как видно, узнав Женьку по голосу.

— Да. Вот пришла с подругой забрать письма ее многочисленных поклонников.

— Забирайте, — кивнул Ипатов в сторону внушительного вида пачки писем на краю стола.

Женька не торопясь перебирала конверты, с удовлетворением заметив:

— Со всего света пишут.

— Гибнет Россия, гибнет, — буркнул Ипатов.

Только Женька собралась ответить, как я, быстро приблизившись, схватила ее за руку и потянула к двери. Женька на ходу засовывала письма в сумку. Ипатов с томлением смотрел на муху, устроившуюся на пыльной люстре, а я вздохнула с облегчением, только когда мы оказались в коридоре.

— Охота тебе дразнить старика, — возмущенно заметила я.

— А чего он каркает? Гибнет Россия... потому что его опусов не читают? Так это ж читать совершенно невозможно, я пробовала четыре раза. Уж насколько я ко

всему привыкшая, я имею в виду, какой только хрени читать не приходится на моем боевом посту, и то не осилила, а что говорить о людях малоподготовленных? То ли дело у нас ты... Читаю и, можно сказать, душой отдыхаю. Иди поцелую, гений ты мой. — Женька чмокнула меня в нос, и мы направились к выходу. — Как твой новый роман?

— Никак, — вздохнула я.

— Тебе надо встряхнуться. У меня еще десять дней отпуска, давай махнем куда-нибудь?

— А Ромка?

— Что Ромка? Ромка твой грызет гранит науки, вот и пусть грызет, лишь бы зубы себе не обломал.

— Хорошо, можем завтра поехать за город, позагорать.

— Позагорать само собой. Слушай, тебе не кажется, что в нашей жизни не хватает приключений?

— Ну... — усомнилась я. Если честно, приключений в нашей жизни хватало, несколько раз мы с подружкой запросто могли головы лишиться, если бы не вмешательство моего мужа, полковника спецназа, кстати.

— Не хватает, — отрезала Женька. — Жить надо так... — В этом месте она споткнулась и выругалась: — Черт... — А я хихикнула. — Ладно, поехали пельмени есть, — вздохнула подружка.

С пельменями было покончено быстро. Женька вспомнила про письма и пошла за своей сумкой, а я стала мыть посуду.

— Ну что, почитаем, что люди пишут, — сказала она, вернувшись и устраиваясь за столом. Женька надорвала первый конверт и начала читать: — Уважаемая Анна...

Я писала романы под псевдонимом Анна Асадова, псевдоним мне придумала Женька, она же намеревалась написать историю моей жизни, присовокупив к ней свои воспоминания. Надеюсь, это случится после моей кон-

чины, когда мне, по большому счету, будет все равно, что обо мне граждане думают. При Женькиной фантазии сделать из моей жизни романтический триллер с элементами порнографии — раз плюнуть.

— Когда я впервые увидел вас... так... — Женька взяла в руки конверт и удовлетворенно кивнула. — Ясно. Из мест лишения свободы беспокоят. Где это он тебя видел? Слушай, а у них там телики есть?

— Откуда мне знать?

— Может, и правда видел. Тебя на той неделе опять по телику показывали.

— Читай дальше.

Женька продолжила чтение, давась от смеха, вскоре мы уже хохотали в голос.

— Да... талант у парня.

— Уверена, это коллективный труд, — усмехнулась я.

— Ага. Небось всем баракком писали. Ох уж эти мужики... Так, меняем тему. Вот, пенсионерка пишет, приятно глазу: коротко и не по делу. Книги ей твои нравятся, а вот ремонт в подъезде так и не сделали, хотя третий год обещают. Школьницы пишут, ну, эти молодцы, если не считать грамматических ошибок... Приглашение на встречу ветеранов... Еще приглашение, какой-то Липатов зовет тебя на презентацию своей книги. Знаешь Липатова?

— Нет.

— Значит, не пойдём.

Я домыла посуду, поставила на плиту чайник, и тут Женька сказала:

— Анфиса, посмотри-ка... — и протянула мне письмо.

Небрежно вырванный из тетрадки листок в клеточку, на нем крупным почерком было написано: «Уважаемая Анна. Вы пишете детективы, а моя жизнь в последнее время превратилась в детектив. Меня преследуют. Я боюсь... нет, я уверена, что меня хотят убить. Это все из-за родового проклятья, из-за страшной тайны, в которую я невольно посвящена. Я не могу никому доверять,

близкие люди стали врагами, я одна и совсем беспомощна. С уважением, ваша давняя читательница и почитательница Кошкина Мария Степановна».

Вот тогда я и заявила, что это полный бред, а Женька, по обыкновению, начала спорить:

— А если тетка не чокнутая и в самом деле...

— Что в самом деле? — передразнила я. — Ее жизнь превратилась в детектив? Близкие люди стали врагами? Еще страшная тайна и родовое проклятье. Можно смело ставить диагноз.

— И фамилия какая-то дурацкая, — кивнула Женька. — Кошкина...

— Фамилия обыкновенная, а вот письмо... Ладно, бог с ней, с Кошкиной, и ее фантазиями. Читаем дальше.

Женька надорвала следующий конверт, но читала уже без задора. Чувствовалось, что неведомая Кошкина не шла у нее из головы.

— Все, — вздохнула она, откладывая последнее письмо. — Больше ничего интересного.

— Пойду Ромке позвоню, — сказала я и отправилась в прихожую, где у нас стоит телефон. Поболтав с мужем, я вернулась в кухню и застала Женьку с конвертом в руке.

— Анфиса, а Кошкина эта из нашего города. Вот здесь и адрес есть. Холмогорская, пять, квартира тринадцать.

— И что? — нахмурилась я.

— Холмогорская — это где-то в Западном районе?

— Возможно.

— На машине полчаса, — не унималась подруга.

— Не болтай ерунды, — разозлилась я. — Приедем мы к этой Кошкиной, и что? Она нам расскажет идиотскую историю, которую, кстати, придется выслушать до конца, неудобно убежать, раз сами приперлись.

— А вдруг она вовсе не чокнутая? — нахмурилась Женька.

Признаться, ее упрямство меня удивило. Не первый год работая журналисткой, она постоянно получала письма и с ходу бралась определить, псих их писал или

«так себе». И вдруг... Это меня насторожило. Я устроилась напротив нее, помолчала и спросила:

— Номера телефона Кошкиной там случайно нет?

— Нет.

— Жаль. Могли бы позвонить, чтобы убедиться, что эта Кошкина... Неужто ты в самом деле думаешь... Я уверена, это глупый розыгрыш, — тряхнув головой, решительно заявила я. — И никакой Кошкиной в помине нет.

— Так давай проверим, чего проще? — подняла на меня взгляд Женька.

— Хорошо, проверим, — не стала я спорить. — И если окажется, что я права, будем выглядеть распоследними дурами.

— Всегда можно сказать, что ошиблись адресом.

Через двадцать минут мы спустились к моей машине, которая стояла под окнами, а еще через полчаса кружили по Западному району в поисках улицы Холмогорской. Никто из прохожих, к которым мы обращались за помощью, о ней толком ничего не знал, вроде бы улица где-то рядом, но вот где? Это еще больше убедило меня в том, что нас разыгрывают, нет никакой Кошкиной, да и улицы Холмогорской тоже нет. Только я собралась заявить об этом Женьке, как она, ткнув пальцем куда-то влево, завопила:

— Вот она!

И в самом деле, слева начиналась улица, на ближайшем доме была табличка «Холмогорская, 1».

— Третий по счету дом должен быть наш, — удовлетворенно кивнула Женька.

Я торопливо свернула. Третий по счету дом был под номером 5а, в глубине двора высилась сталинка с внушительного вида аркой.

— Это там, — заволновалась Женька. Ее волнение внезапно передалось мне.

Мы въехали в чистенький дворик с детской площадкой, скамейками и котами, которые с важным видом наблюдали за нашим приближением.

— Тринадцатая квартира в первом подъезде, — кашлянув, заметила Женька. Я согласно кивнула. Приткнув машину возле палисадника с цветущей космеей, мы вошли в подъезд.

Несмотря на отсутствие кодовых замков и домофона, в подъезде было чисто, на окне стояли цветы, у каждой квартиры лежал половичок. Лифта не было. Мы поднялись на четвертый этаж и замерли перед тринадцатой квартирой. Дверь была выкрашена коричневой краской, рядом на стене три звонка, снабженные табличками с фамилиями.

— Коммуналка, — прокомментировала Женька и нажала кнопку напротив фамилии Кошкина.

Пару минут мы выжидали, потом Женька надавила на кнопку еще раз — с тем же успехом.

— Ее нет дома, — пожалала я плечами, почувствовав облегчение. Несмотря на слова подружки, наш визит сюда представлялся мне довольно глупым и уж точно бесполезным. Серdito взглянув на меня, Женька позвонила еще раз, теперь уже соседям. Я отвернулась, не желая сие комментировать.

Наконец дверь открылась, и я увидела тетку неопределенного возраста, с синеватым лицом, выдающимся носом и глазами навывкате; она удрученно взглянула на нас, и стало ясно: мы оторвали ее от важного дела, о чем сейчас лично я горько сожалела.

— Здравствуйте, — кивнула Женька, и я тоже, успев сообразить, что проку от разговора с теткой не будет.

Тетка попыталась произнести нечто членораздельное, поняла, что ничего из этого не выйдет, и с грустью вздохнула, уставившись себе под ноги.

— Соседка ваша дома? — упрямо напирала Женька. Тетка вновь взглянула на нас и покачала головой. — А где она?

Тетка махнула рукой — это могло означать что угодно, от «не знаю» до «катитесь отсюда», — и пошла прочь, забыв закрыть дверь. Женька заглянула в прихожую, на-

мереваясь последовать за ней, и тут в поле нашего зрения возникла девица лет семнадцати, прошипела «зараза» и отвесила тетке пинок, на который та никак не отреагировала, после чего девушка хмуро покосилась в нашу сторону.

— Вам кого?

— Кошкину, — хором ответили мы.

— Нет ее, — сообщила девица, намереваясь закрыть дверь.

— А где она?

— Откуда мне знать?

— Она работает? — не унималась Женька.

— Не-а, она на инвалидности.

— Значит, ушла куда-то?

— Наверное.

Девица томилась, я ожидала, что она, не выдержав, захлопнет дверь перед моим носом, но Женька шагнула вперед, оказалась в прихожей, и девица поняла, что безнадежно опоздала.

— Я из газеты, — сообщила подружка таким тоном, точно зачитывала приказ реввоенсовета.

Девица забеспокоилась и со вздохом спросила:

— На мамку соседи жаловались?

— Какая еще мамка? — возмутилась Женька.

— Моя, естественно, — кивнула девица в глубину квартиры.

Тетка, что открыла нам дверь, со счастливой улыбкой на устах размазывалась по стенке.

— А что мамка-то, буйная? — на всякий случай проявила интерес Евгения Петровна.

— Нет.

— Чего ж тогда жалуются?

— Она песни поет, громко.

— Нас, собственно, Кошкина интересуется, — вмешалась я. — Мы получили ее письмо...

— На мамку жаловалась?

— А было за что?

— Нет. Они вроде ничего, уживаются. Мамка, когда

из запоя выходит, такая душевная делается. Ее все бабки жалеют, а пьет она по слабости характера. Батя от нас свалил, козел старый, а мамка все никак не угомонится. Пока он с нами жил, она все охала, что он пьяница, дал бы бог спокойно хоть чуть-чуть пожить, прибрав батяню. А он какую-то дуру нашел и к ней свалил. Мамке нет бы радоваться, так она сама запила. Полный дурдом.

— Нам бы Кошкину, — со вздохом напомнила я.

— Так ее нет, — удивилась девица.

— Это мы уже поняли, — кивнула Женька, ее терпению можно было позавидовать. — Вопрос, когда она ушла и когда, предположительно, вернется?

— Да ее, наверное, дня три как нет.

— Уехала куда-то?

— Наверное. — Чувствовалось, что девицу разговор уже утомил и она не знает, как от нас избавиться, но тут тень вдохновения пала на ее лицо, и она заявила: — Надо у Петровны спросить, она все знает.

Девушка резво направилась к третьей справа двери и громко постучала, махнула нам рукой, приглашая приблизиться, и распахнула дверь.

Возле окна сидела женщина лет шестидесяти, вязала крючком кружево из белых ниток и тихо что-то говорила коту, красавцу килограммов семи весом в ярко-красном ошейнике. Кот почесывал за ухом и иногда в такт ее словам кивал.

— Петровна! — заорала девица. Мы от неожиданности подпрыгнули, женщина подняла голову, отложила вязанье и не спеша вытащила из ушей беруши.

— Чего ты орешь? — спросила сердито.

— Как не орать, если ты ничего не слышишь? Тут Кошкину спрашивают, из газеты.

— Из газеты? — Женщина с минуту нас разглядывала, потом предложила: — Проходите.

Мы прошли, и девица с облегчением закрыла за нами дверь.

— Здравствуйте, — громко начала Женька.

Женщина посмотрела укоризненно:

— Я отлично слышу. Зойка в запое, Юлька ее воспитывает, они целый день орут, кот на кухню боится выходить, хотя должен был привыкнуть. Она что, в газету жаловалась? — внезапно сменила тему женщина.

— Нет, — честно ответила Женька и кивнула на меня. — Она прислала нам письмо, довольно странное. У нее как с головой вообще?

— С головой у нее нормально, — вздохнув, ответила женщина и вдруг в лице переменялась. — Было до недавнего времени.

— Так, — обрадовалась Женька бог весть чему. — А с недавнего времени?

— С недавнего времени чудить стала.

— Интересно. А поподробнее нельзя?

Петровна махнула рукой:

— Кто-то у нее в комнате обыск устроил. Это она так говорит. В ее отсутствие в вещах роется. Замки принялась менять. Стала нервная, вроде как не в себе. Я, признаться, всплила, потому что обидно стало: кто в ее комнате шарить может? Я, что ли? Вроде как она намекает. Кому такое понравится? Ну, я ей и сказала... разругались мы, одним словом, и с тех пор не разговариваем. Хотя, если честно, — понизила голос женщина, — Зойка вполне могла в ее комнату заглянуть. Ключ Машка раньше в столе на кухне оставляла, а Зойка в белой горячке, когда бутылку ищет, куда хочешь залезет. Хотя какая у Машки бутылка? Она не пьет ничего, кроме чая...

— Она ведь на инвалидности? — решила вмешаться я.

— Ага. Уж года три. Сердце больное. Нервничать ей никак нельзя, а тут она такое выдумала. С чего бы? Хотя Зойка...

— Соседка сказала, что Кошкина отсутствует уже несколько дней, — влезла Женька.

— Так и есть. С субботы ее нет, так что, выходит, пятый день сегодня.

Мы с Женькой переглянулись.

— И где она может быть?

— Ума не приложу. Беспокоиться начала, может, она в больницу легла? Мы как поссорились, так и не разговаривали, она упрямая, да и я не лучше. Уехать-то ей некуда, родни никакой, по крайней мере, я ни о ком не слышала. Так что она либо в больнице, либо... даже не знаю где.

— А вы точно видели ее последний раз в субботу?

— Точно. Я из магазина шла, она мне навстречу попалась, кивнули друг другу и разошлись. Она с сумкой была, значит, в магазин направилась.

— И из магазина она не вернулась?

— Нет, — убежденно кивнула женщина. — Я весь день дома была, внука ждала, он приехал только в семь вечера, оттого я от дома никуда, гулять вышла и то от подъезда ни на шаг. Вечером Сережку проводила до остановки — и домой, давление у меня что-то поднялось. В воскресенье жара была не приведи господи, и я тоже из дома ни шагу, вечером во дворе погуляла, когда чуть свежее стало. Машки не было. В понедельник я беспокоиться начала: если б она куда собиралась уехать, не мне, так Юльке сказала бы. Машкина очередь убираться, обычно мы договариваемся, если уезжаем куда, чтоб, значит, дежурство перенести, а она ни слова. Чудно. Вчера я подумала, может, мне к участковому сходить, а ну что с соседкой случилось?

— Кто-нибудь из родных у нее есть? — спросила Женька и тут же удрученно добавила: — Ах да... что, вообще никого?

— Муж, бывший. Неподалеку живет.

— Может, она у него?

— Что вы! Он женат лет десять. А жена... короче, черт в юбке.

— Значит, отношения они не поддерживают?

— Почему же, он звонит, когда его мегеры рядом нет. Чтоб заходил, не помню. Машка рассказывала, на день рождения и на Восьмое марта он ей всегда что-нибудь дарит, виноватым себя чувствует, вот и...

— В чем виноватым? — насторожилась Женька.

— Как в чем? К другой ушел.

— А-а...

Тут я некстати подумала, сколько мужчин к другим женщинам уходят, не чувствуя себя виноватыми; получается, либо муж Кошкиной мужик исключительно советливый, либо у него на то причина посущественнее.

— Машка родить не могла, хворала, — видя сомнение на моем лице, пояснила женщина. — А жили они хорошо, можно сказать, душа в душу. Ему очень ребенка хотелось, время шло, а надежды никакой. И тут эта вертихвостка. Ну и... ушел мужик. Машка хоть и страдала, но его вроде как оправдывала. Вертихвостка родила, однако особо счастливой его жизнь не назовешь, по крайней мере Машке он не раз жаловался, что, если бы не дочь, давно бы сбежал.

— А сколько Марии Степановне лет? — додумалась спросить я.

— Годков сорок шесть, наверное. Молодая еще и выглядит распрекрасно, несмотря на то что инвалид.

— А где она работала, вы знаете?

— Конечно. В библиотеке. Заведующей. Библиотека тут рядом, за углом. Машка и сейчас туда почти каждый день ходит, все книжки читает. На пенсию книжки особо не купишь, вот она и повадилась в библиотеку, зимой по полдня в читальном зале сидит, ну и подруги там, конечно. С ними наговорится, чаю попьет, все легче.

— Подруг у нее много?

— Ну, в библиотеке есть, конечно. В доме — Ольга Карасева, я ее, признаться, терпеть не могу. Может, еще кто... К ней сюда редко приходят. С одними она и в библиотеке наболтается, у Карасевой квартира отдельная, там удобнее, а у нас Зойка как в запое, так хоть из дома беги, одно орево.

— Но если знакомых у Кошкиной достаточно, может, она у кого-то из подруг? — вздохнула я.

— Может, — согласилась соседка. — Только очень я в этом сомневаюсь. Ольга ее сама искала. Вчера вечером

приходила, опять же, говорю, Машкина очередь убираться, она бы непременно предупредила, что уезжает. Да и если бы в больницу легла, сказала бы, не мне, так Юльке. А вам она зачем? — задала женщина вполне разумный вопрос.

Мы с Женькой печально переглянулись.

— Все дело в письме, — вздохнула я. — Она написала, что ее преследуют, и мы подумали...

— Преследуют? — соседка взглянула с сомнением. — Уж не знаю. С одной стороны, вроде чепуху болтает, а с другой... Куда ж ее нелегкая унесла? — буркнула она с досадой.

— Вы поподробнее расскажите об этой самой чепухе, — жалобно попросила Женька.

— Ну... началось все месяц назад, может, чуть больше. Заходит она ко мне вечером и говорит: «Ваза у меня разбилась, мамина». Я посочувствовала, жалко, конечно, вазу, а она сидит смурная и вдруг говорит: «Как ваза могла разбиться?» Что значит — как? Обычно. Небось рукой задела или толкнула ненароком. А она — нет, говорит, я пришла, а ваза у комода лежит, то есть не ваза, а осколки. А комод-то возле окна. Вот я и говорю: форточка у тебя открыта, подул ветер, ну и вышло дело. Она как будто со мной согласилась, но с той поры взяла за моду все примечать. И началось. То у нее шкатулка не там стоит, то лампу передвинули. Потом волосок на дверь прикрепила, как шпионы в кино. В общем, решила, что кто-то в ее комнате шарит.

— У нее есть какие-то ценности?

— Да откуда? всю жизнь в библиотеке. Муж особо много тоже не зарабатывал. А потом, не говорила она ни разу, что, дескать, что-то пропало. Да и чему пропасть? Если только телевизор уволочут. Допустим, Зойка по пьяному делу деньги искала, хотя за ней подобного не водится. Вот я и решила, что Машка сбрендила. А она настаивает, уперлась как осел, господи прости...

— Подождите, если я правильно поняла, в квартиру

постороннему проникнуть непросто, раз кто-то из соседей постоянно здесь находится? — уточнила я.

— Вовсе нет. Я с правнуком сижу. Каждое утро ухожу на четыре часа, у внука жена работу оставить не может, а ребеночек маленький, в ясли его пока не берут, да и отдавать жалко. Юлька в техникуме, Зойка если не в запое, то вообще весь день на работе, ее почему и держат-то, она ведь безотказная и работающая, если б не эта ее дурь... О чем это я? Ах да... в общем, с утра и часов до трех Машка здесь одна хозяйничала, оттого меня обида и взяла на ее слова. Кто и когда к ней в комнату полезет, раз только она в квартире с утра до вечера? А теперь уж и не знаю. Вдруг и вправду чего, куда-то она ведь делась? — Женщина задумалась, глядя в окно, кот потянулся, а Женька вздохнула.

— Значит, у вас нет догадки, куда соседка могла уехать? — вяло молвила она. Петровна кивнула, и мы направились к двери, если честно, то я с неохотой. Странное дело, теперь я была уверена, что найти Кошкину необходимо, хотя бы для того, чтобы убедиться: она жива и здорова, а письмо не более чем ее разыгравшееся воображение.

— Предчувствие у меня, — тихо сказала Петровна. — Третий день сердце болит... Еще, как на грех, разругались.

Женьке, с одной стороны, болтовня уже наскучила, но с другой — в ней крепло чувство, что сделать что-то необходимо, раз уж нелегкая принесла нас сюда, и, вздохнув, она поинтересовалась:

— А подруга ее, Ольга, в какой квартире живет?

— Да она сама Машку искала... В двадцать первой, это в соседнем подъезде. К ней пойдете? Она сейчас должна быть дома, на рынке торгует, к пяти уже возвращается.

Торопливо простившись, мы с Женькой покинули квартиру. Юлька, которая двинулась следом, чтобы запечатать входную дверь, неожиданно вышла вместе с нами на лестничную клетку и зашептала:

— Не знаю, что вам бабка наболтала, только ко мне никто не приходил. Я вообще парней сюда не вожу, дура я, что ли, хоромы наши показывать? Да мамашу-пьяницу. Все врут, — закончила она и неожиданно захлопнула дверь, как раз в тот момент, когда я собралась спросить, что она имеет в виду.

— Загадочно, — изрекла Женька, с тоской глядя на дверь, и повернулась ко мне: — Что ты об этом думаешь?

— Думаю, что мы с тобой, Евгения Петровна, ерундой занимаемся, — фыркнула я. — Говорила тебе, письмо это — глупость. Так и вышло.

— Ага. Глупость, а человек пропал.

— Ничего подобного. Она могла уехать, мало ли какие обстоятельства...

— Короче, идем к этой Ольге или нет?

Я почесала нос, потопталась немного, размышляя, и кивнула:

— Идем, раз уж мы здесь.

— Правильно. Надо все доводить до конца. Если подруга знает, где Кошкина, уснем спокойно, а если нет...

— Тогда что?

— По обстоятельствам. Идем, душа моя. И не делай такую кислую физиономию, в конце концов, тебе, как инженеру человеческих душ, очень полезно пообщаться со своим народом.

— Заткнулась бы ты, — посоветовала я, спускаясь по лестнице.

Рядом с дверью квартиры под номером двадцать один был только один звонок, без таблички. Женька вдавила кнопку до упора. Через некоторое время дверь открылась, и мы увидели женщину в пестрой футболке и трико. Она взглянула на нас с удивлением и спросила:

— Вы к кому?

— Вы Ольга? — кашлянув, спросила Женька, как видно, с опозданием осознав, что бродить по квартирам с неясной целью — занятие далеко не самое разумное.

— Ну, Ольга. А вы кто?

— Мы из газеты. То есть я из газеты, а вот это Анна Асадова, вы детективы читаете?

— Конечно, — кивнула женщина, взглянула на меня и широко улыбнулась. — Ой, это правда вы?

— Правда, — покаялась я.

— Проходите. Девчонки! — заголосила она, обращаясь неизвестно к кому. — Вы сейчас обалдеете. Проходите, проходите, — суетливо предложила она, пропуская нас в квартиру и закрывая дверь. — Вот сюда, пожалуйста. Мы тут на кухне...

Ободряемые улыбками и бесконечными «пожалуйста», мы прошли на кухню, где за накрытым столом обнаружили еще двух женщин. Остатки салата, три колечка колбаски, груда куриных костей и пустая бутылка водки намекали, что праздник в завершающей стадии. Послав Женьке испепеляющий взгляд, я промямлила:

— Мы, собственно, на минуточку...

— Это Анна Асадова, — выдохнула хозяйка, глядя на очумевших подруг с гордостью. Те переглянулись в недоумении, а Ольга объяснила: — Она детективы пишет. — И обратилась ко мне: — У меня ваших книг целая полка. Хотите покажу?

Тетки дружно выдохнули и закивали, приглядываясь ко мне.

— Вот видишь, — зашептала Женька мне на ухо. — Народ тебя знает.

— Садитесь, пожалуйста, — одна из женщин вскочила из-за стола, уступая мне стул, Ольга метнулась к шкафу за чашками.

— Сейчас будем чай пить.

— Не беспокойтесь, — пискнула я и незаметно продемонстрировала Женьке кулак. Та сделала вид, что ничего не замечает, и устроилась за столом.

Ольга принесла из комнаты два стула, и все наконец расселись. Одна из женщин заварила чай, все трое смотрели на меня так, точно ожидали подарка. Я мысленно чертыхнулась.

— Вы не подумайте, — вдруг затараторила Ольга. —

У нас... у меня в воскресенье день рождения был, вот девчонки с работы и зашли отметить.

— Поздравляем, — сказала я с большим желанием провалиться сквозь землю. — Извините, что мы так не вовремя... Мы, собственно, хотели поговорить о вашей подруге Кошкиной.

— А что случилось? — испуганно спросила Ольга, замерев с заварочным чайником в руке; он опасно наклонился, и я поспешно убрала руки, боясь, что меня, чего доброго, кипятком ошпарит.

— Она Анне письмо прислала, что ее якобы преследуют. Вот мы и решили... а соседка говорит, что Кошкина куда-то исчезла, — взяв из рук Ольги чайник, пояснила Женька.

— Это какая Кошкина? — подала голос одна из женщин. — Та, у которой барабашка завелся? Соседка твоя?

— И вовсе не барабашка, — обиделась Ольга. — Что ты выдумываешь?

— Ты же сама говорила, кто-то вещи у нее переставляет.

— Говорила, только не про барабашку. Вот что, — вдруг посуровела она. — Пейте чай и давайте по домам. Видите, у меня тут разговор серьезный.

Женщины насупились, в молчании выпили чай и потянулись к выходу. Ольга выпроводила их за дверь и вернулась к нам.

— Подруги не обидятся? — спросила Женька.

— Переживут, — отмахнулась Ольга. — Да и не подруги они мне, работаем вместе. На рынке. Значит, она прислала вам письмо?

— Да. И мы решили... ей помочь, одним словом, — нашлась Женька. — Но ее дома не застали. И соседи не знают, где она может быть.

— Я сначала тоже думала, что у Машки с головой не в порядке, — кивнула Ольга. — Выдумывает всякую хрень... прошу прощения. Уж я и так ее уговаривала, и

эдак, а она знай твердит: меня, говорит, хотят со свету сжить.

— А кто хочет-то? — нахмурилась Женька.

— Так в том-то и дело, что неясно. То есть выходило, она сама не знает. Долдонит одно: не оставят меня в покое. Я с ней вконец измучилась, даже прятаться от нее начала, так меня ее рассказы достали. Да и видно было, что всю правду она не говорит, Машка вообще-то скрытная. А чего вам она в письме написала?

Я подумала и показала ей письмо.

— Ясно, — вздохнула она, прочитав послание. — Опять двадцать пять. Вот ведь...

— Вы ее когда в последний раз видели?

— В пятницу, вечером. Во дворе гуляли, разошлись часов в одиннадцать, погода хорошая была, грех дома сидеть. В субботу я после работы на дачу поехала, а в воскресенье у меня день рождения. Я очень удивилась, что Маша не пришла поздравить и не позвонила даже. Неужто, думаю, забыла? До обеда терпела, потом сама решила позвонить, пригласить ее отметить. Я особо никого не собирала, пришли самые близкие. Звоню, трубку никто не берет.

— У нее есть мобильный телефон?

— Мобильного нет. На что он ей? Домашний. Ей телефон поставили, когда она инвалидность получила. Сначала он в прихожей висел, а потом пошли разборки с соседями, мол, она платить за него должна, раз он ее, а болтают-то все, особенно вертихвостка эта, Юлька. Соседи у Машки вообще не приведи господи, одна пьяница, вторая зануда, третья... Ладно, дело молодое. Короче, она с ними намучилась и телефон в комнате у себя поставила: уж если никто платить не желает, так нечего и звонить. Совершенно справедливо, я считаю. — Мы согласны кивнули, успев потерять нить разговора. — Так вот, звоню я в воскресенье, а трубку никто не берет. Последний раз звонила поздно вечером, часов в десять, у меня уж и гости разошлись. Нет Машки. Чудеса, ду-